

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Б. Н. Морозов, Р. А. Симонов

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ДРЕВНЕПЕРМСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО (ОКОЛО 1340–1396)

Предметом настоящей работы¹ является рассмотрение проблемы источников древнепермской (древнекоми) письменности, связанной с деятельностью Стефана Пермского.

Недостаточно изученным, по существу новым источником являются пермские «буквенные цифры». Прежде необходимо условиться, что следует называть пермскими «буквенными цифрами». Это важно по той причине, что до сих пор сохраняется устаревшее представление, что словом «цифры» можно именовать исключительно индоарабские (современные) цифры, в быту называемые арабскими. Так, П. Д. Шестаков не считал возможным считать пермские «буквенные цифры» цифрами. Это следует из того, что он прибегал к речевому обороту «вместо цифры 3» там, где надо сказать «пермская цифра 3»². По-видимому, этот автор считал цифрами только знаки 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 0, что сейчас кажется анахронизмом, так как цифрой считается любой знак, употребляемый в количественном значении. При этом П. Д. Шестаков выделял в надписи на иконе «Троица» два случая употребления пермской буквы «гай» под титлом в качестве тройки, давая ей современное цифровое (3) и словесное («три») выражение, но не называя цифрой³.

Некоторые ученые (например, Г. С. Лыткин⁴) считают, что в пермской записи на иконе «Троица» не дважды, а трижды встречается «гай» в цифровом значении 3. В двух случаях «гай»=3 действительно сохраняет все признаки своей формы, указывается на третьем месте в средневековых образцах пермского алфавита, кроме того, он имеет «титло» в виде прямолинейной черточка. Третий же случай этого лишен: в результате их утраты за время существования иконы или за «гай»=3 здесь Г. С. Лыткиным ошибочно принято иное начертание. Скорее всего, первоначально в иконной записи было три случая пермской цифры 3, два из них сохранились до сих пор полностью, третий — лишь частично: в виде следа, похожего на «т», и без титла.

Такой вывод подтверждает предпринятое недавно изучение иконы «Троица», хранящейся в Вологодском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике (Рис. 1, 2)⁵.

¹ Авторы благодарят участников научного семинара «Древняя Русь» за конструктивное обсуждение нашего доклада 18 января 2008 г., легшего в основу настоящей работы.

² Шестаков П. Д. Чтение древнейшей зырянской надписи, единственного сохранившегося до сего времени памятника времени св. Стефана Великопермского // ЖМНП. СПб., 1871. № 1 (январь). Ч. 153. С. 34.

³ Там же. С. 43, 44.

⁴ Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык. СПб., 1889. С. 27–28. Вклейка с табл. II между стр. 26 и 27.

⁵ Инв. № 2780/6466 Д. Конец XIV в. Г. И. Вздорнов подтверждает указанную датировку иконы и дает ее размер: 119х75х2,5 см (Вздорнов Г. И. Вологда. Л., 1978. С. 44, 127). Авторы благодарят участников экспедиции 2006 г. «По пути Стефана Пермского» за предоставление материалов съемки иконы (съемку проводил К. Шульга).

Для целей настоящей статьи важно учесть, что пермская «буквенная цифра» 3 на иконе «Троица» конца XIV в. является древнейшим и пока единственным случаем употребления пермской цифры в тексте духовного содержания.

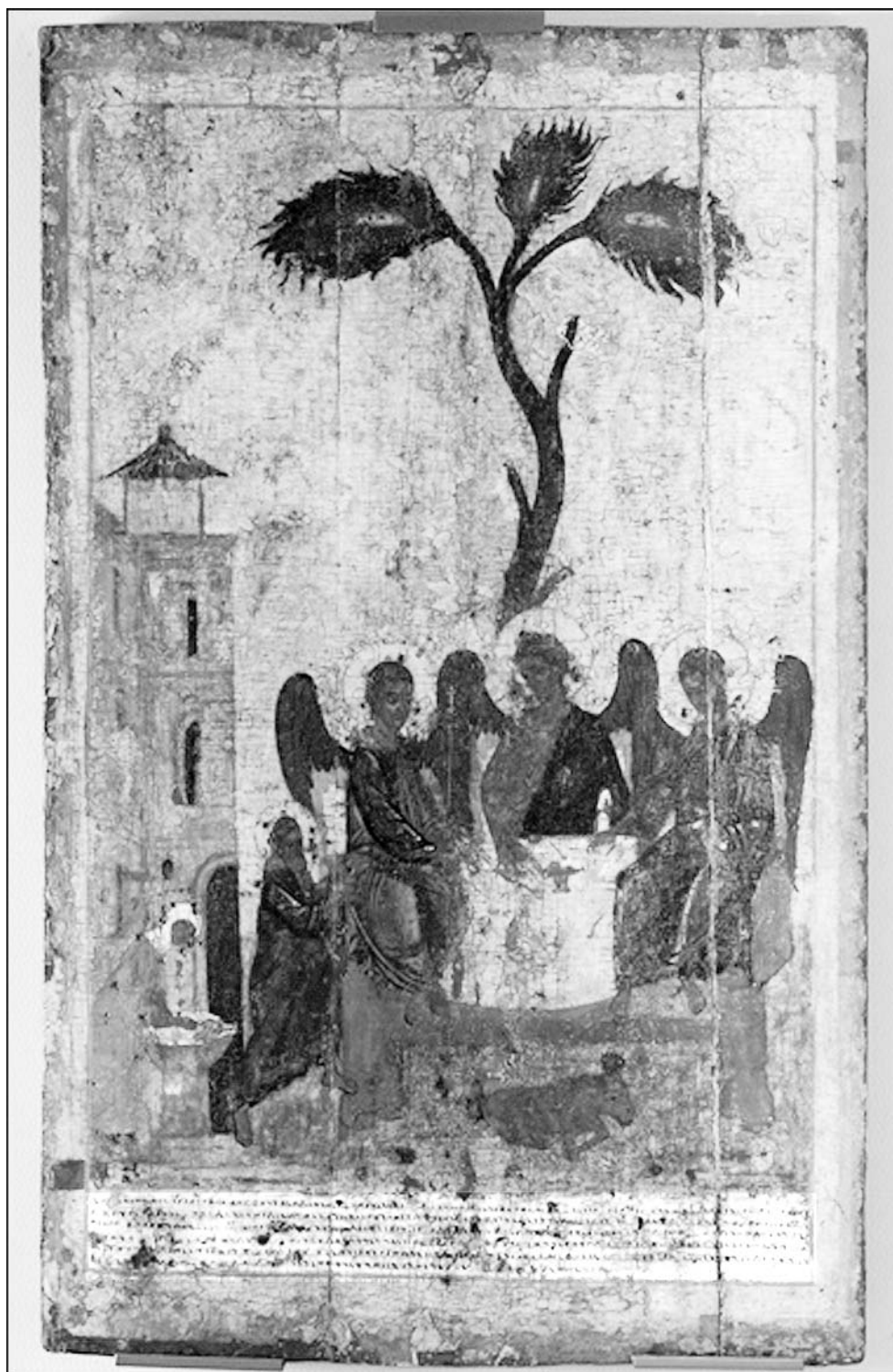

Рис. 1. Икона «Троица» из Троицкой церкви Вожемского погоста близ Яренска на реке Вычегде. Конец XIV в. Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Рис. 2. Фрагмент иконы «Троица» конца XIV в. В первом случае «гай» под титлом — начало второй строки, другой случай — четвертый знак справа в пятой строке. В начале пятой строки расположен знак, похожий на «т», который Г. С. Лыткин и другие авторы ассоциируют с остатком пермской цифры 3

Хотя ученые XIX в. (П. Д. Шестаков, Г. С. Лыткин и др.) не выделили пермские «буквенные цифры» в самостоятельный вид источника, они обратили внимание общественности на факт употребления буквы «гай» в цифровом значении на иконе «Троица». Некоторые современные авторы вообще отрицают саму возможность использования древнепермских букв для передачи чисел, противопоставляя в этом древнекоми-письменность св. Стефана старославянской и греческой традиции: «Греческий алфавит используется и для передачи чисел, например, альфа — 1. Этот принцип был сохранен во многих системах, основанных на греческой модели, в частности, в старославянском. В древнепермском алфавите этого принципа нет»⁶. Тем самым свидетельства о существующем застое в изучении наследия Стефана Пермского следует дополнить суждением, что наряду с методологическим тупиком имеет место и откат назад от достигнутого в XIX в. уровня (что касается пермской числовой системы).

Из всех свыше десятка полных и фрагментарных списков пермских знаков, включая те, что с названиями (обзор дается В. И. Лыткиным⁷), точно датированным является только один — «Азбука пермская» по Уваровскому списку 1510 г. Мазуринской кормчей (ГИМ. Увар. 81-4°. Л. 244). Кроме того, «Азбука пермская» — источник, сочетающий в себе качества азбуки и «цифрового алфавита». В «Азбуке пермской» приводится 28 знаков; последний 28-й знак выглядит как предыдущий (27-й), дополненный слева «хвостиком» с утолщением в виде «точки» (Рис. 3):

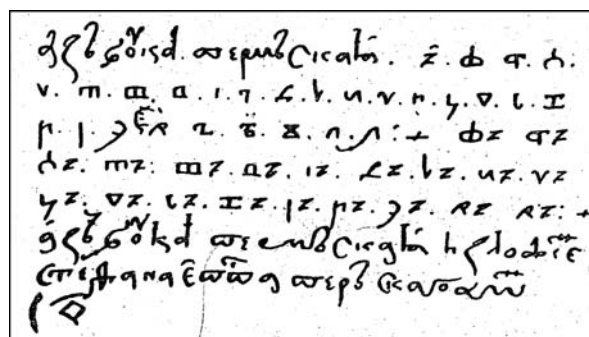

Рис. 3. «Азбука пермская». Уваровский список 1510 г. Мазуринской кормчей. Собрание ГИМ

⁶ Туркин А. И. Некоторые размышления о происхождении древнепермской письменности // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. 2. С. 279.

⁷ Лыткин В. И. Древнепермский язык. М., 1952. Сводка данных о пермских знаках (графика, названия) дается на вкладке в конце книги.

Аналогичный «хвостик» был заимствован славянами у византийцев вместе с цифровой системой: он служил для обозначения больших чисел порядка нескольких тысяч. «Хвостик» претерпел ряд модификаций. Если «хвостик» с «точкой» в «Азбуке пермской» при 28-м знаке предназначался для записи тысяч, то он может служить важной хронологической приметой XIV в., так как тысячный знак с «точкой» позже этого времени не встречается. А это, в свою очередь, означает, что подлинник «Азбуки пермской», представленный позднейшей записью Уваровского списка 1510 г. Мазуринской кормчей, действительно восходит ко времени Стефана Пермского и, возможно, был составлен им самим, а не позднейшим комментатором, что подтверждается записью на ней: «Изложен(и)е Стефана, еп(и)с(ко)па Пер(м)ьскаго. Ам(и)н(ь)».

Традиция, аналогичная объяснению о назначении «хвостика» 28-го знака «Азбуки пермской», представлена в одном славяно-молдавском «цифровом алфавите», содержащем также 28 знаков. В Древней Руси обычно употреблялась система, в которой для записи десятков тысяч («тем») знаки единиц обводились сплошной окружностью, для обозначения сотен тысяч («легионов») — окружностью из точек, для записи миллионов («леодров») — окружностью из лучей и т. д.⁸ В указанном славяно-молдавском «цифровом алфавите» первые девять «буквенных цифр» выражали единицы, вторые — десятки, третьи — сотни, а 28-й знак («сампи» в виде треножника, или похожий на него «юс малый») обозначал 900. Поскольку ему придан тысячный «хвостик», то он фактически значил 900 тысяч. Этим знаком показан предел (900000), порядок которого могло достигать наибольшее число в цифровой системе рассматриваемого «цифрового алфавита». И действительно, далее в тексте показано, как способом придачи «хвостика» знакам единиц, десятков и сотни можно выразить большие числа от 1000 до 100000.

Текст рассматриваемого славяно-молдавского «цифрового алфавита», по-видимому, писался не одновременно. Начальная часть могла относиться к XIV—XV в., о чем свидетельствует тысячный «хвостик» с одним перечеркиванием при 28-м знаке («сампи», или «юсе малом»), а позже появились дополнительные данные о больших числах, где тысячные знаки имеют два перечеркивания, т. е. отражают традицию XVI—XVII в. (Рис. 4)⁹.

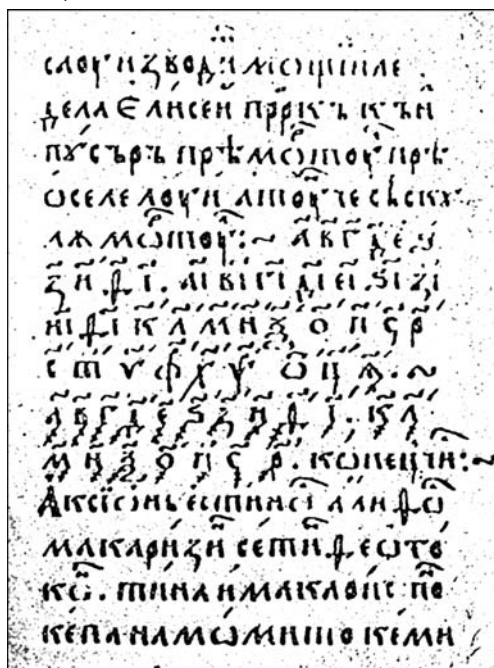

Рис. 4. «Цифровой алфавит» Сборника богослужебного 1661 г. Собрание Пражского Народного Музея

⁸ Симонов Р. А. Проблема происхождения древнерусских цифр // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 4. С. 726–744.

⁹ Сборник богослужебный, 1661 г. Пражский Народный Музей. № IX.H.19. Авторы сердечно благодарят сотрудников Пражского музея за любезное предоставление фотоснимка «цифрового алфавита».

Возвращаясь к «Азбуке пермской», заключаем следующее. Поскольку 27-м знаком могло передаваться число $л=900$, то «л» с тысячным «хвостиком» (28-й знак) передавало 900 тысяч. Значит, 28-й знак указывал, что возможности цифровой системы «Азбуки пермской» (как и в случае рассмотренного славяно-молдавского «цифрового алфавита») простираются до записи чисел порядка 900000. Следовательно, «Азбука пермская» может служить источником для реконструкции системы пермских «буквенных цифр» (Рис. 5)¹⁰.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Единицы	7	Ф	Г	Л	У	П	Ш	Ц	І
Десятки	7	А	У	И	У	Р	У	У	У
Сотни	Ш	Р	І	У	Л	У	У	У	Л

Рис. 5. Пермская цифровая система (реконструкция)

В связи с изданием Мазуринской кормчей (Увар. 81-4^о), подготовленным Е. В. Беляковой, К. Илиевской, О. А. Князевской, Е. И. Соколовой, И. П. Старостиной и Я. Н. Шаповым, впервые появились данные о тетрадных пометах пермскими «буквенными цифрами». Эти данные кратки и не безупречны в силу предварительности описания. Так, вопреки заявлению, что «пермские знаки, обозначающие тетради, историками не воспроизводились», одна из помет (частично обрезанная) воспроизведена в том же издании¹¹. Отмечая важность введения в научный оборот Е. В. Беляковой сведений о тетрадных пометах пермскими «буквенными цифрами» в Мазуринской кормчей, необходимо, тем не менее, в описание счета тетрадей внести определенные коррективы.

Из опубликованного описания не совсем ясно, что цифры стоят на первом и на последнем листах (отмечены листы всей тетради через тире), не указано, что в некоторых тетрадях одна из цифр именно в конце тетради утрачена механически или, возможно, не была проставлена. Пропущено описание 20-й тетради. Не упомянута последняя тетрадь — л. 238–244 (последний, очевидно, чистый лист отсутствует), у которой цифр нет. Кроме того, имеется опечатка: в 21-й тетради последний лист указан как 160 об. вместо 165 об. Не отмечена общая особенность написания чисел пермскими цифрами — наличие титла, которые ставились над «буквенными цифрами», чтобы отличать их от настоящих букв.

Более подробное описание нумерации тетрадей пермскими цифрами в рукописи Увар. 81-4^о может выглядеть следующим образом:

- Тетрадь [1] — л. 1–8, на л. 1 цифры нет, на л. 8 об. следы титла.
- Тетрадь 2 — л. 9–15, на л. 9 цифры нет, на л. 15 об. цифра 2.
- Тетрадь 3 — л. 16–23, на л. 16 и на л. 23 об. цифры 3.
- Тетрадь 4 — л. 24–31, на л. 24 и на л. 31 об. цифры 4.
- Тетрадь 5 — л. 32–39, на л. 32 и на л. 39 об. цифры 5.
- Тетрадь 6 — л. 40–47, на л. 40 и на л. 47 об. цифры 6.
- Тетрадь 7 — л. 48–55, на л. 48 и на л. 55 об. цифры 7.
- Тетрадь 8 — л. 56–63, на л. 56 и на л. 63 об. цифры 8.
- Тетрадь 9 — л. 64–71, на л. 64 и на л. 71 об. цифры 9.

¹⁰ Подробнее см.: Морозов Б. Н., Симонов Р. А. Об открытии цифровой системы Стефана Пермского (XIV в.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 1. С. 3–21.

¹¹ Мазуринская кормчая. Памятник межславянских культурных связей XIV–XVI вв. Исследование. Тексты / Отв. ред. Я. Н. Шапов. М., 2002. С. 94. Сохранившийся знак 20 обрезанной пометы воспроизведен на вклейке в конце книги (Рис. 21).

Тетрадь 10 — л. 72—79, на л. 72 и на л. 79 об. цифры 10.

Тетрадь 11 — л. 80—87, на л. 80 и на л. 87 об. цифры 1 и 10.

Тетрадь 12 — л. 88—95, на л. 88 и на л. 95 об. цифры 2 и 10.

Тетрадь 13 — л. 96—103, на л. 96 и на л. 103 об. цифры 3 и 10.

Тетрадь 14 — л. 104—111, на л. 104 и на л. 111 об. цифры 4 и 10.

Тетрадь 15 — л. 112—119, на л. 112 и на л. 119 об. цифры 5 и 10.

Тетрадь 16 — л. 120—127, на л. 120 и на л. 127 об. цифры 6 и 10.

Тетрадь 17 — л. 128—135, на л. 128 и на л. 135 об. цифры 10 и 7 (цифра 10 на первом месте!). Все цифры выполнены киноварью, и киноварные же титла имеют украшения в виде утолщенной точки посередине.

Тетрадь 18 — л. 136—143, на л. 136 и на л. 143 об. цифры 8 и 10. На л. 136 чернильное титло над цифрами украшено так же, как и предыдущие киноварные титла.

Тетрадь 19 — л. 144—149 (шестилистная), на л. 144 цифры 9 и 10, те же цифры написаны другими чернилами сверху листа — смотрятся в перевернутом положении («вверх ногами»), также перевернутыми они смотрятся и на л. 149 об. (у Беляковой не отмечено), и на этом же листе внизу следы титла. Возможно, на первоначально пронумерованной тетради стали писать текст, перевернув ее (с конечного листа), а затем пронумеровали снова. Но следует отметить, что первоначальные (ныне перевернутые) номера тетради написаны иными чернилами (и, вероятно, иным пером), чем все другие цифры.

Тетрадь 20 — л. 150—157, на л. 150 цифры 20 и 1, на л. 157 об. цифр нет.

Следующие тетради и соответственно номера на них написаны иным, более мелким почерком (иным пером и чернилами?). Это требует дополнительного кодикологического исследования.

Тетрадь 21 — л. 158—165, на л. 158 и на л. 165 об. цифры 20 и 1.

Тетрадь 22 — л. 166—173, на л. 166 и на л. 173 об. цифры 20 и 2.

Тетрадь 23 — л. 174—181, на л. 174 и на л. 181 об. цифры 20, но вместо цифры 3 — соответственно пермской буквы «гай» (см. на л. 16 и 23 об.) — написана буква, похожая на кириллическую букву «ф».

Тетрадь 24 — л. 182—189, на л. 182 видна только цифра 20, далее срезано, на л. 189 об. цифры 20 и 4.

Тетрадь 25 — л. 190—197, на л. 190 цифры 20 и 5, на л. 197 об. цифр нет, внизу срезанная запись писца, не отмеченная Беляковой: «пи(?)опытай».

Тетрадь 26 — л. 198—205, на л. 198 цифры 20 и 6, на л. 205 об. цифр нет.

Тетрадь 27 — л. 206—213, на л. 206 цифры 20 и 7 (последняя цифра частично срезана), на л. 213 об. цифр нет.

Тетрадь 28 — л. 214—221, на л. 214 цифры 20 и 8 (последняя цифра частично срезана), на л. 221 об. цифр нет.

Тетрадь 29 — л. 222—229, на л. 222 цифры 20 и 9, на л. 229 об. цифр нет.

Тетрадь 30 — л. 230—237, на л. 230 цифра 30, на л. 237 об. цифр нет.

Тетрадь 31 — л. 230—237, цифр нет.

Тетрадные пометы здесь ставятся на нижнем поле листа справа, иногда еще и сверху, что оговаривалось выше. Всего во всех тетрадных пометах (числах) рукописи Увар. 81-4^о использована 81 пермская цифра. Следует отметить еще одну (кроме титл) характерную особенность записи чисел пермскими «буквенными цифрами»: как и кириллические числа, они выделяются точками по краям, но непоследовательно — не всегда, редко двумя, а в основном одной, после числа.

Тетрадные пометы пермскими «буквенными цифрами» недавно были обнаружены еще в одной рукописи собрания Архангельской семинарии Библиотеки РАН, № 5 (далее — Арх. С. 5). Это Сборник церковно-канонических статей 1511/1512 г., переписанный в южных пределах Пермско-Вычегодского края (Никольский погост на реке Лале)¹².

¹² Краткое описание рукописи было приведено в вышедшей недавно книге М. В. Корогодиной «Исповедь в России в XIV—XIX веках. Исследование и тексты» (СПб., 2006. С. 343), но на использование писцом пермской азбуки для нумерации тетрадей не указано.

Пермские цифры в рукописном Сборнике церковно-канонических статей 1511/1512 г. сохранились не в начале рукописи, а с 158-го листа. Однако поскольку здесь также нумеруются 8-листные тетради, то по их счету л. 158 должен иметь 20-й или 21-й номер. В первом случае, вероятно, будет использоваться один знак, а во втором — два, как и представлено на л. 158 (Рис. 6). Значит, скорее всего, здесь указано число 21. Поступая аналогичным образом и ориентируясь на порядок и начертание пермских знаков Увар. 81-4^о и «Азбуки пермской», можно идентифицировать остальные числа, записанные пермскими «буквенными цифрами»: 22 (Л. 166) (Рис. 7), 23 (Л. 174), 24 (Л. 182), 25 (Л. 190), 26 (Л. 198).

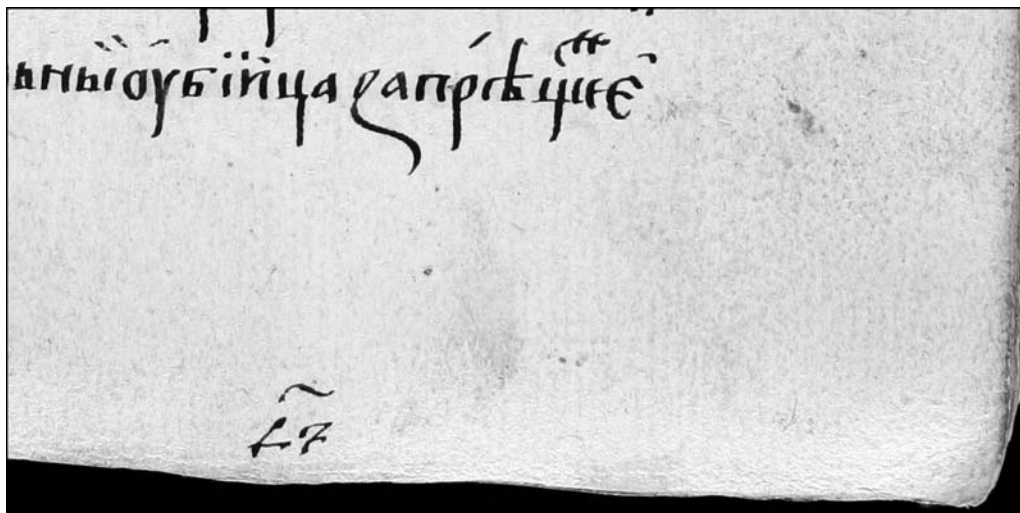

Рис. 6. Тетрадная помета 21 пермскими цифрами на нижнем поле л. 158 Сборника 1511/1512 гг. Собрание БАН

Тетрадные пометы в этой рукописи ставились в середине нижнего поля. Всего в рукописи Арх. С. 5 сохранилось шесть тетрадных помет (чисел), для записи которых использовано 12 пермских «буквенных цифр». Итого, в двух рукописях Увар. 81-4^о и Арх. С. 5 имеются 93 пермские цифры ($81+12=93$)¹³.

Парадоксально выглядит источниковедческий статус этого источника. Ведь очевидно, что св. Стефан не замышлял свою цифровую систему специально для тетрадных помет: они результат дополнительного, вспомогательного использования пермских цифр. Но, однако же, именно тетрадный счет дает материал для выявления особенностей их графики. «Иноязычный» тетрадный счет в рукописях иного письма, как в рассмотренном случае, — явление достаточно редкое. В качестве примера можно указать на отрывок (3 листа) среднеболгарской Минеи праздничной с проложными житиями конца XIII в. (РНБ. Q. п. I. 40), где на листах 2 об. и 3 об. есть тетрадные пометы армянскими «буквенными цифрами»¹⁴.

Как ни странно, но до изучения самих пермских «буквенных цифр» имелись данные, относящиеся к соответствующей историографии. Речь идет о записи пермскими буквами информации о тетрадном счете. Впервые об этом написал безвестный средневековый (?) писец, а 165 лет назад А. Х. Востоков его запись воспроизвел, описывая рукописный сборник (РГБ. Собр. Румянцева. № 357) (далее —

¹³ Позволяет ли это сделать заключение о массовости рассматриваемого источника? Казалось бы, считать его массовым в полном смысле этого слова не позволяет обнаружение пермских «буквенных цифр» пока всего в двух рукописях. Однако в современном источниковедении критерием массовости источника выступает не количественный показатель, а качественный: «Поэтому и один или несколько исторических источников, дошедших до нашего времени, относятся к массовым, если они возникли в повседневной жизни, имеют однородное содержание и форму, тяготеющую к стандартизации» (Румянцева М. Ф. Массовые источники // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебн. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998. С. 334). В рамках этого подхода уже факт единичного использования в надписи на иконе «Троица» пермской цифры 3 переводит пермские «буквенные цифр» в категорию массовых, поскольку они, как всякие цифры, связаны с повседневностью, имеют однородное содержание и форму, допускающую стандартизацию.

¹⁴ Иванов Й. Български старини из Македонија. 2-е изд. София, 1931 (фототип. перизд. — София, 1970). С. 359–362, 468–474; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. С. 302. № 357. Авторы статьи благодарят А. А. Турилова за сообщение этого факта.

Рум. 357), где она встречается: «Собо(р)никъ старой, а на 60-м листе, где показано начало 10-й тетради, записал кто-[то] пермскими буквами: десіа(т) татратей»¹⁵.

Указанная приписка пермскими буквами сопровождается следующими словами А. Х. Востокова: «Чернила сей приписки кажутся немногим новее употребленных в тексте». В начале своего описания рукописи ученый отмечал, что сборник написан «уставом начала XV или конца XIV в.»¹⁶.

Рукопись Рум. 357 в настоящее время для читателей недоступна. Сотрудниками Отдела рукописей РГБ обнаружены в Рум. 357 некоторые неожиданные нюансы, которые прежде были вне внимания А. Х. Востокова и других исследователей¹⁷. Так, перед пермскими словами *десят татратей* стоит не отмеченный А. Х. Востоковым знак кириллической десятки «и десятеричное», отделенный точкой от пермской записи. Еще одной новостью является факт использования в Рум. 357 кириллических цифр в тетрадных пометах (не пермских!).

Ученые, писавшие или упоминаявшие о словах *десят татратей* пермскими буквами в Рум. 357 (А. Х. Востоков, И. С. Некрасов, М. Н. Сперанский, В. И. Лыткин и др.), не объяснили мотива появления приписки. Теперь, когда пермская приписка стала известна полностью, причину ее возникновения можно объяснить следующим образом. Дело в том, что кириллическая цифра 10 в виде вертикальной черточки, расположенная, как оказалось, перед словами *десят татратей*, сходна с пермской цифрой 9 (Рис. 3, 5). Слова пермскими буквами *десят татратей* служат пояснением для соответствующего знака — кириллической десятки. В таком случае понятно, почему это пояснение сделано по-пермски. Русский человек, не владевший пермским письмом, не знал о тождестве начертаний кириллической цифры 10 и пермской цифры 9. Он без всякого предупреждения не спутал бы кириллическую 10 («і») с пермской 9, о существовании которой не имел понятия. Русский книжник, владевший коми-письмом, или двуязычный коми-писец, знавшие о тетрадном счете пермскими цифрами, нуждались в соответствующем предупреждении, так как они могли принять кириллическую тетрадную помету «і» за пермскую цифру 9.

Важно отметить, что пермское пояснение *десят татратей* предполагает знакомство с традицией употребления в счете тетрадей пермских цифр. Если бы повсеместно использовался единый тетрадный счет, например кириллическими «буквенными цифрами», то нужды в рассматриваемом пермском разъяснении вообще не было бы. Значит, пермский тетрадный счет, возможно, уже существовал в начале XV в., как о том свидетельствует пермская приписка в Рум. 357. Тогда как реальные пермские тетрадные пометы пока обнаружены в рукописях начала XVI в.

Как отмечалось, очевидно, что св. Стефан не создавал пермскую цифровую систему для тетрадных помет: он, по-видимому, хотел унифицировать книжную атрибутику, употребляя пермские цифры в духовном тексте рукописных книг на коми-языке и в их оформлении — в виде тетрадных помет. Соответствующая стефановская традиция могла быть успешно продолжена в творчестве династии книгописцев Пермской земли конца XV — начала XVI в. отца и сына Гаврилы и Васюка¹⁸. Последнему, Васюку Попову сыну Гаврилову-Кылдашеву (Кылдас'эв — Дьяк[он?]ов¹⁹), очевидно, принадлежат тетрадные пометы пермскими цифрами в рукописях Увар. 81-4^о и Арх. С. 5 (нач. XVI в.).

¹⁵ В круглых скобках даются выносные буквы, в квадратных восстановлена пропущенная часть слова.

¹⁶ Востоков А. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. С. 507–508. Датировка А. Х. Востоковым сборника Рум. 357 принята в советской историографии: «кон. XIV (?) — нач. XV в.» (Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР // Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966. С. 264).

¹⁷ Авторы настоящей статьи благодарят И. В. Левочкина за предоставление уточняющих сведений о рукописи Рум. 357.

¹⁸ Морозов Б. Н. Новые памятники древней коми письменности конца XV — начала XVI в. // Музеи и краеведение. Труды Национального музея Республики Коми. Сыктывкар, 2007. Вып. 6. С. 137–142.

¹⁹ По поводу слова *кылдас* В. И. Лыткин писал: «Не означало ли это слово 'дьяка', 'писца'? Ср. фамилию *Кылдас'эв*, встречающуюся в приписке в Номоканоне 1510 г. (т. е. Увар. 81. — *Авт.*) и обозначающую буквально 'Дьяков', что являлось, по-видимому, псевдонимом писца» (Примечания В. И. Лыткина к статье: *Сидоров А. С.* Новые памятники древнекоми письменности (С комментариями, подстрочными примечаниями и заключением В. И. Лыткина) // Вопросы финно-угорского языкознания. [Вып. 1]. М.; Л., 1962. С. 182).

Частично разъяснилась загадочность слов о том, что пермская приписка о десяти тетрадах сделана в начале десятой тетради, тогда как простой подсчет этому не отвечал: 60-й лист с припиской соответствовал концу (не началу) десятой 6-листной тетради. Оказалось, что рукопись имеет двойную нумерацию: архаическую — кириллическими цифрами и более новую — индоарабскими цифрами (карандашом). В старой нумерации лист занумерован знаком «кси» (60), а в новой — 55. Девять 6-листных тетрадей насчитывают 54 листа, и л. 55 соответствует именно началу десятой 6-листной тетради.

Архаическая нумерация («кси»=60) могла быть неточной, проставлявшейся, вероятно, в спешке — с пропуском чисел, например, после КА (21) на следующем листе было поставлено КГ (23) и т. д., что и могло привести к увеличению счета листов: лист, занумерованный знаком «кси»=60, в действительности соответствовал реальному л. 55. Однако окончательный вывод можно будет сделать после детального просмотра рукописи Рум. 357, что в настоящий момент, как отмечалось, невозможно. Истины ради следует отметить, что полистный просмотр Рум. 357 был также осуществлен в 70-х годах XX в. нидерландским славистом В. Р. Федером, который установил утрату в рукописи листа 53²⁰, расположенного вблизи пермской приписки (на листе 55).

Существова приписки касался известный палеограф и археограф М. Н. Сперанский. Рукопись, где встречается приписка пермскими буквами, ученый считал «относящейся к первой пол. XV в.». Приписку он полагал своеобразной тайнописью, зашифровывающей славяно-русскую фразу, ключом к раскрытию которой для М. Н. Сперанского была «Азбука пермская» (по Уваровскому списку 1510 г.).

Итак, пермские «буквенные цифры» являются новым источником, дополняющим наши знания о письменности Стефана Пермского. Они использовались: 1) в духовных текстах стефановского письма, как о том свидетельствует надпись на иконе «Троица» конца XIV столетия, 2) в качестве числовых помет тетрадного счета (сохранились в двух славяно-русских рукописях, переписанных коми-писцом Васюком Поповым сыном Гавриловым-Кылдашевым в Коми-крае (начало XVI в.). Приписка стефановским письмом *десять татратей*, возможно, начала XV в. в рукописи Рум. 357 рубежа XIV—XV в. позволяет допустить, что пермский тетрадный счет был изначально представлен в древнепермской книжности²¹.

Для дальнейшего обсуждения нами предлагается гипотеза о том, что св. Стефан изначально задумывал в своем письме нумерационную структуру — с тем, чтобы первые девять букв-цифр выполняли функцию единиц, вторые девять букв-цифр — десятков, третьи — сотен. Итого: 27 букв-цифр, на основе которых можно было записывать числа от 1 до 999. По количеству и составу этому как будто бы отвечает «Азбука пермская», воспроизведенная Васюком Кылдашевым (Увар. 81-4^о), где 28-й знак (последний), изображающий 27-й знак, дополненный тысячным «хвостиком» (900 тысяч), обозначает предел счета стефановскими букво-цифрами до 999999.

Елифаний Премудрый о количестве пермских букв сообщает зашифрованно, в виде своеобразного ребуса, который как будто бы указывает на число 24: «... Также (Стефан Пермский. — *Авт.*) и се сложил числом четыре между десятима слов, подобяся греческия азбуки числу слов» (очевидно, I+D+I, что значит «четыре между десятками»: 10+4+10=24). Однако основной источник в этом вопросе — памятники стефановского письма — свидетельствуют о 27 буквах: «Биограф Стефана (Елифаний. — *Авт.*) в своей повести говорит о 24 «словах», тогда как по текстам мы имеем 27 букв»²².

К предварительной информации Елифаний делает разъяснение о дополнительных знаках греческой письменной системы: «...Собрал азбука греческая слов числом .КД. (24) ... а ин книжник (добавил) три слова, имиже числа пишутся: шестое яве и девяностое и девятьсотное»²³. Из этого

²⁰ Дополнение и уточнение к описи А. Х. Востокова «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума» (СПб., 1842). Описание составлено К. А. Майковой и Н. А. Щербачевой. Машинопись. М., 1975–1977. С. 80.

²¹ См.: Морозов Б. Н., Симонов Р. А. О судьбе книг свт. Стефана Пермского (XIV в.) // Вестник Московского гос. ун-та печати. 2007. № 9. С. 206–219.

²² Сидоров А. С. Коми письменность эпохи раннего феодализма // Ученые записки ЛГУ. Л., 1947/1948. № 105. Серия востоковедческих наук. Советское финноугроведение. Вып. 2. С. 243.

²³ [Елифаний Премудрый] Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 4. С. 151–152.

следует: Елифаний и, по-видимому, Стефан знали, что греческое письмо применительно к «буквенным цифрам» насчитывало 27 знаков. Возможно, и окончательная расшифровка «ребуса» Елифания состоит в прибавлении к числу 24 (I+D+I) количества цифр (З), что дает число 27²⁴ — количество букв в древнекоми-письменности, разработанной Стефаном Пермским²⁵.

Оценка 28-значной «Азбуки пермской» как одновременно «цифрового алфавита», содержащего 27 основных букв-цифр и 28-й знак, обозначающий величину предельного счета пермскими «буквенными цифрами», согласуется с наличием в памятниках древнепермской письменности именно 27 букв. Тетрадные пометы (открытые в двух рукописях) соответствуют последовательности знаков «Азбуки пермской», однако их ограниченность наибольшей цифрой 30 объективно доводит совпадение в начертаниях букв-цифр до 12-го знака (из 27). Это делает актуальным разыскание новых рукописей с пермскими тетрадными пометами.

Еще одним направлением истории коми-письма является изучение пермских пасов — тамг, знаков собственности. Некоторые авторы считают, что на них якобы мог опираться Стефан Пермский при разработке своего письма. Так, Г. М. Прохоров об этом пишет следующее: «... Не мог (Стефан. — *Авт.*) откуда-то взять и дать народу готовую письменность, потому что пригодных для зырянского языка знаков, чтобы писать, вообще не существовало... Допускают, что Стефан использовал при создании своих букв зырянские знаки “тамга”, или “пасы” (от глагола “пасыйны” — метить, помечать, отмечать), выдавливавшиеся на бересте, вырезавшиеся на тонких четырехугольных палочках, служивших в качестве денег»²⁶.

Взгляд об использовании Стефаном пасов распространен вплоть до последнего времени. Например, его выразила в 2007 г. М. И. Бурлыкина в книге, посвященной А. С. Сидорову: «... Он (Стефан. — *Авт.*) составил древнепермскую азбуку из 24 букв по образцу греческих, славяно-русских букв и “пасов” — родовых знаков зырян»²⁷. И это при том, что сам Сидоров так не считал: «Местным историком Михайловым было высказано предположение об использовании миссионером Стефаном начертаний местных родовых знаков. Позднейшие исследователи находили, что пермский алфавит составлен на основе графического материала славянских и греческих письмен»²⁸.

В тех же «Ученых записках ЛГУ» опубликована статья В. И. Лыткина, посвященная указанному вопросу. Исследователь на основе сравнения стефановских букв с греческим, славяно-русским письмом и пасами пришел к такому выводу: «Греческое происхождение основных стефановских букв у нас не вызывает никакого сомнения, ибо при сличении древнепермских букв с греческими рукописными буквами этого периода (XIV—XVII в. — *Авт.*) (унциал и минускул) почти все начертания находят объяснение в греческом алфавите. В целях приближения азбуки к пермянам, возможно, была использована Стефаном и пермская тамга (пасы) как материал для стилистико-графического оформления»²⁹.

²⁴ Тогда понятно, почему вместо обычной записи КД (24) это число представлено именно тремя слагаемыми: I+D+I.

²⁵ Цитированные выше расчеты заимствованы Елифанием из различных редакций известного сочинения Черноризца Храбра «О письменах» (см.: Черноризец Храбр. О письменех / Подг. Алда Джамбилука-Коссова. София, 1980. С. 82, 145). Этим замечанием авторы обязаны А. А. Турилову.

²⁶ Прохоров Г. М. Равноапостольный Стефан Пермский и его агнограф Елифаний Премудрый // Святитель Стефан Пермский. К 600-летию со дня преставления. СПб., 1995. С. 3, 15. При этом Г. М. Прохоров ссылается на источник, где указанный текст выглядит несколько иначе: «... Стефан составил истинно национальную коми азбуку. Взяв за образец греческие начертания, он вложил в основу азбуки “лесную грамоту” коми, использовал те знаки, “пасы” (пасыйны — метить, пометить, отметить), которые лесные люди вырезали на дереве или выдавливали на бересте» (Сказание о святом Стефане. Свод разнообразных преданий, историй и сведений о жизни и трудах святителя Стефана, епископа Пермского... / Авторы-составители: М. Сизов, А. Саков, И. Иванов. Сыктывкар, 1992. С. 40). Ни слова здесь нет о деревянных деньгах, о них раньше сообщил сам Прохоров: «... Изобрел (Стефан. — *Авт.*) азбуку для их (язычников-зырян. — *Авт.*) языка, используя при этом, как допускают, значки, вырезавшиеся зырянами на тонких четырехугольных палочках, служивших им в качестве денег (так называемые “пасы”)» (Прохоров Г. М. Стефан // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 412). При обсуждении материала настоящей статьи (с одним из соавторов) к. и. н. С. В. Зверев, с. н. с. Музеев Кремля, профессионально изучающий денежное обращение у народов Поволжья и Урала, отметил, что о пермских деревянных деньгах нумизматам ничего не известно.

²⁷ Бурлыкина М. И. Ученый-энциклопедист А. С. Сидоров: Жизнь и творчество. Сыктывкар, 2007. С. 72.

²⁸ Сидоров А. С. Коми письменность эпохи раннего феодализма. С. 244.

²⁹ Лыткин В. И. Происхождение древнепермской азбуки // Ученые записки ЛГУ. № 105. С. 238—239.

Итак, В. И. Лыткин (1947/1948 г.) считал, что зависимость древнепермского письма, изобретенного Стефаном в XIV в., от синхронной греческой азбуки не вызывает сомнения, а вот влияние пасов только возможно. Иное отношение представлено в словах М. И. Бурлькиной (2007 г.): у нее пасы как источник стефановского письма идут вровень с греческим и славяно-русским алфавитами. Эти два если не противоположных, то расходящихся мнения разделяют 70 лет. Может быть, за это время появились убедительные исследования, показывающие, что возможность влияния пасов на стефановское письмо превратилась в действительность?

В. И. Лыткин в 60-х годах XX в. предложил новую идею³⁰, касающуюся истоков стефановского письма: «Начертания древнепермских букв свидетельствуют о том, что Стефан составил свою азбуку по образцу греческих и славяно-русских букв с учетом графической стороны тех знаков, которые употребляли древние пермяне в *небѣгах*»³¹. В начале XX в. коми-слово *небѣг* (*nébeg*) было зафиксировано в значении, близком к *пасам*³². Оно в древности попало к предкам коми из иранских языков, а в период использования стефановского письма (XIV–XVII в.) «вплоть до заимствования рус. *книга* оно имело значение ‘книга, письмо, бумага (или другой какой-нибудь материал) с письменами’ — в этом значении оно перешло в обско-угорские языки. Мы не знаем, что представляло собой *небѣг* до появления древнепермской (стефановской) письменности — называли ли этим словом всякие письмена (и пиктограмму, и идеограмму), или же это были уже книги с элементами буквенного письма»³³.

Указанная идея В. И. Лыткина о замещении пасов на *nébeg* не получила дальнейшего развития, но ее подхватили сторонники гипотезы о существовании достефановской письменности у предков коми³⁴, несмотря на предостережение ученого, что «судить об этом периоде письма очень трудно, поскольку в нашем распоряжении нет никаких памятников письменности того времени»³⁵.

Вместе с тем появилась тенденция считать использование пасов в истории стефановского письма исходным положением, которое как бы не нуждается в доказательстве. В качестве примера можно сослаться на недавнюю статью Э. А. Савельевой и К. С. Королева «Вначале были пасы», название и содержание которой подтверждает указанную мысль. Так, в их работе говорится: «...Находки подкрепляют предположения ряда ученых о вероятности существования у коми достефановского периода системы знаков, часть которых могла быть использована Стефаном Пермским при создании первой коми азбуки»³⁶. В качестве соответствующих находок указываются два древнекоми-паса, найденные при археологических раскопках на реке Выдь. Один пас прочерчен на серебряной бляшке XII–XIII в., а другой — на перстне XII–XIV в. Форма паса на кольце довольно известна, это косоугольный крест X с отростками, идущими вбок из верхних окончаний перекрестий к ним перпендикулярно. Такого паса нет среди букв, изобретенных св. Стефаном, так же как второго, более сложного паса.

Как, спрашивается, два древних паса могли влиять на стефановскую азбуку, если они не имеют с ее буквами сходства? Именно эти два древних паса и не относятся к числу тех знаков, «часть которых могла быть использована Стефаном Пермским при создании первой коми азбуки». Рассматриваемые

³⁰ *Lytkin V. I. Sytjäänin nebeg-sanain alruperästä // Virittäjä, 1963. С. 58–61.*

³¹ *Лыткин В. И. Шестьсот лет коми письменности // Советское финно-угроведение. 1972. № 4. С. 292.*

³² «Ю. Вихманн в 1901–1902 гг. это слово (*nébeg*) зафиксировал в удорском диалекте коми языка в узкоспециальном значении ‘кусочек бересты с знаками собственности *пас* (употребляется в лесу, например, на куче убитой птицы, как знак владельца)’, *nébega* ‘снабженный знаком собственности (например, на охотничьих принадлежностях, ружье, копье)’. В современном нижневыхогском диалекте коми языка *небѣг* ‘книжка (часть желудка жвачного животного)’» (Цит. по: *Лыткин В. И. Шестьсот лет коми письменности. С. 291.*)

³³ *Лыткин В. И. Шестьсот лет коми письменности. С. 292.*

³⁴ «По сообщению арабского писателя и дипломата Ахмета Ибн-Фадлана, еще в X в. у народов Севера было в употреблении письмо, при помощи которой (? — *Авт.*) вели переписку с соседями. Ведь не случайно древнекоми слово “небѣг” в значении “книга” и “бумага” является среднеперсидским заимствованием, ср. пехлеви *pirək*» (*Туркин А. И. Некоторые размышления о происхождении древнепермской письменности. С. 280. Со ссылками на работы Лыткина.*)

³⁵ *Лыткин В. И. Шестьсот лет коми письменности. С. 292.*

³⁶ *Савельева Э. А., Королев К. С. Вначале были пасы // Атлас Республики Коми. М., 2001. С. 258–259.*

находки пасов вовсе не «подкрепляют предположения ряда ученых о вероятности» их использования св. Стефаном при разработке древнепермского письма. Они, скорее, подкрепляют противоположное утверждение, что Стефан Пермский не пользовался этими пасами при создании своего письма.

А применял ли св. Стефан пасы вообще? Позиция крупных коми-специалистов в указанном вопросе такова. Г. С. Лыткин (1835–1907), окончивший Санкт-Петербургский университет со степенью магистра языкознания, отрицал использование св. Стефаном пасов. Полемизируя по указанному вопросу с М. И. Михайловым, митрополитом Макарием и П. И. Савваитовым, он писал: «Между пасами и стефановскими буквами нельзя делать никаких сближений»³⁷. Д. ф. н. А. С. Сидоров (1892–1953), как говорилось выше, относился к пасам как к источникам письменности, изобретенной Стефаном Пермским, если не полностью отрицательно, то, во всяком случае, с сомнением. Профессор, д. ф. н. В. И. Лыткин (1895–1981) допускал возможность применения Стефаном пасов, но затем от этого, очевидно, отказался, заменив упоминание пасов на *небег*. По-видимому, современный уровень научного исследования коми-пасов должен быть таким, чтобы отпали существующие сомнения и в вопросе с пасами применительно к истории стефановского письма наступила ясность.

Рис. 7. Тетрадная помета 22 пермскими цифрами на л. 166 Сборника 1511/1512 гг.
(увеличено)

---

³⁷ Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык. С. 60–61.